

Конжин С.И., Костромина С.Н.

Образ будущего в структуре устойчивости личности
в период ранней взрослости

Konzhin S.I., Kostromina S.N.

The Image of the Future in the Structure
of Personality Stability During Early Adulthood

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В условиях современной нестабильности актуализируется задача совладания с хронической неопределённостью, которая сопряжена с дефицитом информации, трудностями планирования и необходимостью регуляции жизни в стрессе. В этом контексте ключевое значение приобретают характеристики, позволяющие поддерживать личности свою устойчивость. Среди них образ будущего следует рассматривать как «ядерную» личностную переменную, позволяющую сохранять самоидентичность в разных жизненных ситуациях. В работе на основе теоретического анализа и эмпирической верификации обосновывается детерминирующее влияние образа будущего на устойчивость личности в период ранней взрослости. Цель исследования – выявить, в какой мере характеристики образа будущего детерминируют уровень личностной устойчивости.

Предлагается авторская структурно-параметрическая модель образа будущего, включающая компонентный и характеристический аспекты. Эмпирическая проверка реализована на выборке из 102 респондентов (18–25 лет) с применением количественных и качественных методов.

Сравнительный анализ выявил качественные различия в образе будущего у респондентов с разным уровнем устойчивости. Для группы с высокой устойчивостью характерен сбалансированный, ценностно наполненный образ будущего, объединяющий семейные и профессиональные ориентации при минимальном уровне тревоги. В группе с низкой устойчивостью образ будущего фрагментарен, абстрактен и сопровождается выраженной неопределённостью. Внутри группы со средним уровнем обнаружены неоднородные типы: от противоречивого до целостного, опирающегося на семейные ценности. Устойчивость личности поддерживается не просто наличием целей, а их согласованностью с эмоциональным отношением к будущему. Практическая значимость работы заключается в возможности использования модели для диагностики и консультирования.

Ключевые слова: образ будущего, временная перспектива, устойчивость личности, ранняя взрослость

Для цитирования: Конжин, С.И., Кострамина, С.Н. Образ будущего в структуре устойчивости личности в период ранней взрослости // Новые психологические исследования. 2026. № 3. С. 156–180. DOI: 10.51217/npsyresearch_2026_06_03_08

Введение

В современной отечественной и зарубежной науке исследование временной перспективы личности, её жизненных стратегий и моделей, а также образа будущего остаётся актуальным направлением. При этом в научной литературе наблюдается дефицит исследований, посвящённых глубокому теоретическому осмыслению феномена образа будущего, его концептуализации как целостной, системной категории.

Проведение такого анализа позволило бы не только понять механизмы планирования и построения жизни современным человеком, но и определить ключевые структурные компоненты и характеристики этого образа. Исследование данных компонентов приближает нас к пониманию влияния репрезентаций будущего на устойчивость личности – фундаментальное свойство, обеспечивающее самоорганизацию и целостность личностной системы.

Установление подобной взаимосвязи представляет ценность не только как теоретический вклад, но и как диагностический инструмент, открывающий возможность оценки устойчивости через качественные методы, применяемые для исследования образа будущего. В то время как опросные методы исследования устойчивости личности во многом ограничены упрощёнными суждениями, социальной желательностью и когнитивными установками.

Современный взгляд на устойчивость личности

В рамках постнеклассической парадигмы психология как наука, так и исследуемые ею феномены понимаются в качестве открытых систем (Ганзен В.А, Ключко В.Е.). Согласно В.С. Стёпину (Стёпин, 2013), человек рассматривается не только как открытая, но и как живая система с непрерывной самоорганизацией, обладающая стохастической неустойчивостью. Для человека дополнительно следует учитывать наличие «внутренних сил», которые наделяют его субъектностью. В.С. Стёпин указывает на субъект-объектные отношения, подчёркивая, что человек, познавая себя и других, может выступать и объектом, и субъектом познания.

В классической психологии первой половины XX века, при всех принципиальных различиях в понимании личности, устойчивость часто рассматривалась как неизменная структура. Однако такой подход лишает категорию устойчивости её уникального содержания и не соответствует современному пониманию процессуальной природы личности (Костромина, 2021).

Соотношение изменчивости и неизменности – одно из базовых положений, на которых строится описание личности в различных теоретических концепциях. Согласно обзору теорий личности А. Хьелла и Д. Зиглера, этот вопрос относится к фундаментальным принципам описания природы человека (Хьелл, Зиглер, 2018). Какую же роль в этой дихотомии занимает устойчивость, и что понимают под ней различные авторы?

А.Н. Леонтьев отмечал, что основная структура личности *«представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий»* (Леонтьев, 1977). Он выделил три ключевых параметра мотивационной сферы, служащих фундаментом устойчивости личности: взаимосвязь человека с окружающим миром в пространстве и времени, динамичность и многогранность мотивационной сферы, степень осознанности мотивов. Эти составляющие позволяют человеку осознавать себя в качестве субъекта, ответственного за своё развитие. Так устойчивость начинает рассматриваться как фундаментальная характеристика человека.

В свою очередь Е.П. Крупник и Е.Н. Лебедева отмечают, что устойчивость зачастую ошибочно воспринимается как синоним стабильности в рамках парадигмальной альтернативы категории изменчивости (Крупник, Лебедева, 2000). Авторы приходят к выводу, что личность с высоким уровнем устойчивости отличается пластичностью, вариативностью и способностью к изменению с сохранением индивидуальности.

В исследованиях В.Э. Чудновского устойчивость рассматривается как нравственная категория и способность человека реализовывать свои личные позиции в различных условиях, обладая определённой невосприимчивостью к внешним воздействиям (Чудновский, 1981).

Таким образом, в современной психологии устойчивость личности изучается как динамическое понятие, сохраняющее при этом свой фундаментальный, системообразующий статус, обеспечивающий целостность личности и её самотождественность в ситуации неопределённости. В нашей работе мы используем подход С.Н. Костроминой и Н.В. Гришиной, описывающих устойчивость как динамический конструкт.

Согласно авторам, устойчивость – это фундаментальное свойство системы личности, обеспечивающее внутренние эволюционные процессы для эффективного функционирования и продуктивной жизни, от которого зависит психологическое благополучие личности (Костромина, Гришина, 2023). Она определяет способность личности к самоорганизации и переходу от одной формы организации к другой.

Несмотря на многочисленные теоретические исследования, проблема изучения устойчивости личности на практике остаётся актуальной. Это связано с тем, что на данный момент в распоряжении исследователей имеются преимущественно количественные опросные методики, которые не позволяют получить достаточно полную информацию. В связи с этим актуальной методической задачей становится поиск конструкторов, способных обеспечить содержательный и достоверный анализ устойчивости. Одним из таких конструкторов, на наш взгляд, может выступить образ будущего.

Образ будущего как системное понятие

М. Хайдеггер в труде «Бытие и время» рассматривает время как фундаментальный аспект человеческого существования. Согласно его позиции, время является формой бытия, определяющей способ понимания и переживания мира человеком. Оно неразрывно связано с существованием, поскольку задаёт его границы и возможности (Хайдеггер, 2003). Говоря о возможностях человека по отношению к различным временным модусам, в том числе модусу будущего, следует обратиться к исследованиям временной перспективы и жизненных сценариев (Ф. Зимбардо, И. Ялом, К.А. Абульханова-Славская и др.). Исследователи сходятся во мнении, что человек, находясь в настоящем, активно преобразует внешний и внутренний мир в соответствии со своими потребностями, ценностями и установками, чтобы успешно функционировать и влиять на собственное будущее.

Важным, однако, является вопрос определения образа будущего и смежных конструкторов. В.Н. Петрова отмечает, что, несмотря на растущий интерес к образу будущего, это понятие до сих пор не вошло в общепринятый тезаурус психологии, оставаясь в рамках отдельных научных школ (Петрова, 2009). В связи с чем, обратимся к определениям, которые раскрывают психологическое содержание данного конструктора.

С.В. Горбатов определяет образ будущего через идею «*концепции собственного будущего*» как динамической основы самореализации личности, выражающей её целеустремлённость и направленность на актуа-

лизацию способностей (Горбатов, 2000). В свою очередь Ж. Нюттен рассматривает образ будущего как когнитивное пространственно-временное образование, выступающее катализатором мотивации личности. Таким образом, образ будущего является мотивационным образованием, характеризующим отношение человека к миру и выражающимся в конкретных поведенческих актах. Данный мотивационно-деятельностный подход к пониманию будущего можно дополнить словами И. Ялома: «Внутри человека – и на сознательном, и на бессознательном уровнях – существует ощущение задачи, идеальное «Я», множество целей, к которым человек стремится...» (Ялом, 2004, с. 231). Тем самым в отношении будущего происходит интеграция осознаваемых и неосознаваемых процессов психической регуляции, где не только уровень регуляции влияет на планирование, но и представления о будущем детерминируют текущую деятельность.

В контексте феноменологического подхода А.В. Баранова и Н.В. Яковлева определяют образ будущего как продукт самосознания, «срезово фиксирующий» потенциальные следствия деятельности человека и отражающий представления о возможных событиях и ожидания от них на основе прошлого опыта и действий в настоящем (Баранова, Яковлева, 2018). Наиболее детальную проработку структуры предлагает В.Н. Петрова со своей пространственно-динамической моделью организации образа будущего, включающей три аспекта: онтологический, феноменологический и деятельностный (Петрова, 2019). В её исследовании анализируются такие параметры образа будущего, как протяжённость, глубина, насыщенность, степень структурированности, реалистичности, аффективная окраска и направленность на реализацию или отсрочку.

Таким образом, можно выделить три ключевых свойства образа будущего, которые несут в себе характеристики, позволяющие поддерживать целостность личности, определяя ее устойчивость (Конжин, Костромина, 2025).

1. Структурность – образ будущего представляет собой совокупность взаимосвязанных характеристик (когнитивных, эмоциональных, поведенческих).

2. Связанность – элементы образа будущего взаимосвязаны и влияют на конечное представление, выступая, по Ж. Нюттену, «катализатором мотивации» (Nuttin, 1980).

3. Динамичность – образ будущего постоянно изменяется под влиянием внешних и внутренних факторов, поскольку человек является открытой самоорганизующейся системой.

Проведенный теоретический анализ позволяет рассматривать образ будущего как сложное интегративное образование, имеющее компонентные и параметрические характеристики (см. табл. 1). Первый аспект раскрывает строение образа и включает когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты, а также показатель их согласованности. Второй аспект описывает формально-содержательные параметры, по которым можно оценить образ будущего: конкретность, глубина и эмоциональное отношение. В соответствии с ними представляется возможным операционализировать его для эмпирического исследования, не нарушая системного представления о целостности феномена.

Таблица 1. Два аспекта анализа образа будущего

Аспекты анализа	Элемент	Содержание
Компонентный (структура)	Когнитивный	Цели, планы, представления в различных сферах жизни.
	Эмоциональный	Эмоциональное отношение к потенциальным событиям.
	Поведенческий	Мотивация, стратегии достижения целей.
	Согласованность	Степень интеграции и непротиворечивости трех предыдущих компонентов.
Характеристический (параметры)	Конкретность	Количество жизненных сфер, представленных в образе будущего.
	Глубина	Степень проработанности и детализации представлений.
	Отношение	Эмоциональная окраска образа будущего и переживание собственной включенности.

Сущностно образ будущего представляет собой индивидуальную модель временно-событийной организации жизненного пути личности, выступающую значимым фактором детерминации активности. Его формирование неразрывно связано со становлением личности, Я-концепцией. Уникальность образа будущего сопряжена с целостностью личности и её устойчивостью, обеспечивающей внутреннюю организацию и способность к трансформации во временной перспективе.

Таким образом, можно предположить, что образ будущего является одним из факторов, обеспечивающих устойчивость личности. Данное предположение открывает перспективу для дальнейших исследований, направленных на проверку характера этой взаимосвязи. Соответственно, актуальным становится вопрос: действительно ли об-

раз будущего и его характеристики могут выступать в качестве регулирующего фактора устойчивости личности у людей в период ранней взрослости?

Проверка выдвинутого предположения определяет дальнейшее направление эмпирического исследования и требует обращения к соответствующим методам диагностики образа будущего и устойчивости.

Методы исследования

В исследовании были использованы как количественные, так и качественные методы. Для количественной оценки применялись опросники, позволяющие выявить уровень устойчивости личности, а также уровни рефлексии и готовности к изменениям, как факторов, способных повлиять на устойчивость:

- Опросник «Динамическая устойчивость личности (ДУЛ)», Гришина Н.В., Костромина С.Н., Одинцова М.М. (Гришина и др., 2024).
- Опросник «Личностная готовность к изменениям (ЛГИ)», Ролник С., Хезер Н., Голд Р. и Холл У., в адаптации Бажановой Н. (Бажанова, 2005).
- Опросник «Дифференциальный тип рефлексии (ДТР)» (Лентьев, Осин, 2014).

Для исследования образа будущего использовались качественные методы, среди них методика «Незаконченные предложения» (Sacks, Levy, 1950) в модификации Конжина С.И., Костроминой С.Н. с целью эмпирической верификации содержательных характеристик предложенной модели образа будущего.

В модифицированном варианте методика состояла из 15 вопросов, разбитых на три блока, где каждый отражал одну из содержательных характеристик образа будущего:

- Конкретность образа будущего (например, *«В будущем я не могу представить свою жизнь без...»*)
- Глубина образа будущего (например, *«Свое свободное время в будущем я хотел(а) бы посвятить...»*)
- Отношение к образу будущего (например, *«Будущее кажется мне...»*)

Кроме того, для феноменологического описания образа будущего респондентов использовалось полустандартизированное интервью.

Его структура была основана на содержательных характеристиках образа будущего и на компонентах описанной модели. Разработанное авторское интервью включало 7 открытых вопросов:

1. *Если бы вас попросили нарисовать картину под названием «Образ моего будущего» (не города, не «всех людей», лично ваш), то что (или кого) вы бы нарисовали? Опишите, пожалуйста, подробно, что было бы на этой картине.*

1.1. *Расскажите, что из изображённого на картине описывает:*

- a) *Семейную сферу, отношения*
- b) *Профессиональную сферу*
- c) *Сферу отдыха, увлечений*
- d) *Личную сферу: работа о себе, изменения, личные достижения или приход к какому-то состоянию, образу жизни.*

Если та или иная сфера не отображена на картине, то почему, с чем это связано?

1.2. *Ещё раз мысленно посмотрите на картину, что в ней кажется для вас главным, а от чего вы могли бы отказаться?*

1. *Думая об этой картине, «образе будущего», изображённом на ней, что вы чувствуете, какие эмоции? Почему?*

2. *Через какой промежуток времени эта картина может стать вашим настоящим? Почему именно такой срок вы отводите на воплощение вашего «образа будущего»?*

3. *Что помогло бы достичь желаемого, описываемого вами «образа будущего»? Что вы уже делаете, чтобы к нему прийти? Если не делаете, то почему?*

4. *Думая о будущем на более маленькие промежутки времени (дни, недели, ближайшие месяцы), какие чувства, эмоции у вас возникают? О чём вы задумываетесь, что представляете?*

5. *Как вам кажется, нужно ли вообще думать о будущем, представлять «образ будущего»? Если нет, то почему, если, да, то зачем: что он даёт лично вам?*

6. *А бывало ли так, что какие-то образы будущего, представления или планы уже помогли справиться с трудной ситуацией и поддержали вас? Если да, то приведите, пожалуйста, пример ситуации.*

Обработка полученных в ходе эмпирического исследования качественных данных проводилась с помощью контент-анализа, а математическая обработка статистических данных при помощи программы IBM SPSS Statistics 26.0.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 102 человека: 49 юношей и 53 девушки в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 21,84$; $SD = 2,66$). Основные виды деятельности респондентов: обучение в вузе или колледже; профессиональная деятельность; совмещение учёбы и работы. Выбор возраста респондентов определялся спецификой периода поздней юности – ранней взрослости, который характеризуется интенсивным самоопределением, связанным с выбором профессии и формированием мировоззрения, что актуализирует фокус на будущем и стремлении к конкретизации. Переход к самостоятельной жизни создаёт ситуацию высокой неопределённости и активного выбора. Таким образом, этап сочетает необходимость реализации жизненных сценариев с их возможной коррекцией и реорганизацией личности, что делает его релевантным для изучения взаимосвязи образа будущего и личностной устойчивости.

Респонденты являются жителями крупных городов и областных центров различных регионов России, включая Москву, Санкт-Петербург, Кострому и др.

Результаты и обсуждение

Структура образа будущего молодых людей

На первом этапе был проведен контент анализ данных, полученных из интервью с последующей факторизацией. Всего было выделено 83 категории, отражающие специфику ответов молодых людей касательно планирования собственного будущего.

Целью факторного анализа стало выделение обобщенных характеристик образа будущего респондентов. Использовался факторный анализ методом главных компонент с применением Варимакс вращения. Факторизуемость корреляционной матрицы проверялась с помощью критерия Кайзера–Майера–Олкина (КМО) и критерия сферичности Бартлетта. Значения по критерию КМО = 0,491 и критерию сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 812,4$; $df = 276$; $p < 0,001$). В результате извлечения факторов по критерию Кайзера получена 7-факторная структура, объясняющая 35,95% дисперсии (см. табл. 2).

7 факторов объединили переменные с факторной нагрузкой от 0,31 до 0,76, которые мы обозначили на основе значений входящих в них категорий. Максимальные значения (учитывались как положительные, так и отрицательные) переменных в каждом факторе определяли содержание и название факторов.

Таблица 2. Результаты факторного анализа

Показатели	Факторная нагрузка (r)
Фактор 1. «Семейно-ориентированное структурированное будущее»	
Доминирование семейной сферы в образе будущего	0,76
Заполненность пространства на рисунке (отсутствие пустот)	0,75
Присутствие на рисунке членов семьи (супруг(а) и/или дети)	0,72
Изображение автора в окружении других людей	0,71
Фактор 2. «Социально ориентированный досуг и личностное развитие»	
Значимость сферы отдыха и досуга в образе будущего	0,58
Наличие на рисунке атрибутов хобби и увлечений	0,5
Присутствие на рисунке символов профессиональной деятельности и карьеры	0,38
Фактор 3. «Учебно-профессиональная ориентация и осознанное планирование»	
Выделение учебно-профессиональной сферы в образе будущего	0,58
Актуальная учебная/профессиональная активность как шаг к желаемому будущему	0,51
Убежденность в необходимости осознанного формирования образа будущего	0,43
Пассивность в вопросах достижения образа будущего	–0,46
Фактор 4. «Рефлексивная отстраненность от краткосрочного планирования»	
Ориентация на достижение образа будущего в отдаленной перспективе (20+ лет)	0,43
Ожидание личностных изменений как условия реализации будущего	0,42
Восприятие образа будущего как инструмента самопознания и отражения ценностей	0,36
Фокусирование на учебно-профессиональной сфере в краткосрочных планах	–0,4
Фактор 5. «Технократический урбанизм и материальные ценности»	
Изображение множества домов (урбанистическая среда) в картине будущего	0,56
Высокая детализация графического образа	0,54
Наличие на рисунке технологических символов (транспорт, роботы, футуристические объекты)	0,38
Присутствие на рисунке образов материального благополучия	0,32
Фактор 6. «Амбивалентное восприятие будущего, технократическое одиночество»	
Амбивалентные эмоции при репрезентации образа будущего	0,45
Отражение в образе будущего смысловых ориентиров и ценностей	0,36

Отсутствие изображений других людей на рисунке будущего	0,35
Изображение урбанистической среды (множество домов)	0,32
Наличие на рисунке технологических символов	0,31
Фактор 7. «Спонтанность и неструктурированность образа будущего»	
Отсутствие сфер планирования в ближайшем будущем	0,41
Эмоциональное спокойствие при оценке долгосрочной перспективы	0,41
Восприятие размышлений о будущем как естественного процесса	-0,42
Наличие межличностной сферы в краткосрочных планах	-0,44

Каждый из выделенных факторов включил переменные, в том или ином виде описывающие образ будущего: отношение к будущему, представления о нём, планы или действия, направленные на их реализацию. Немаловажно отметить, что выделенные факторы отражают заявленные нами характеристики образа будущего. Это даёт возможность говорить о подтверждении выделенных компонентов и параметров образа будущего, операционализированных на этапе теоретического анализа.

Определение предикторов устойчивости личности методом регрессионного анализа

Для ответа на основной вопрос исследования – влияют ли компоненты образа будущего на устойчивость личности – был проведён регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступала Устойчивость (Шкала «Устойчивость как внутреннее чувство равновесия» (ДУЛ)), независимыми переменными выступали шкалы методик «Динамическая устойчивость личности (ДУЛ)», «Личностная готовность к изменениям (ЛГИ)», «Дифференциальный тип рефлексии (ДТР)», а также Факторы образа будущего, полученные нами через факторизацию данных контент-анализа по результатам интервью.

Регрессионный анализ (см. табл. 3) продемонстрировал удовлетворительное качество прогноза ($R^2 = 0,33$, $p < 0,018$).

Из таблицы видно, что наиболее сильный позитивный вклад в устойчивость вносит «Позитивное отношение к изменениям» ($\beta = 0,33$; $p \leq 0,01$). Открытость новому опыту и готовность к меняющимся условиям на уровне убеждений, чувств и поведения повышает уровень личностной устойчивости. Значимым позитивным предиктором выступило также «Положительное отношение к постоянству» ($\beta = 0,25$; $p \leq 0,05$). Ценность стабильности, склонность к привычному как основе жизненной опоры также повышает уровень устойчивости. Сле-

довательно, устойчивость обеспечивается как готовностью к изменениям, так и наличием стабильных конструктов, что дополнительно подтверждает тезис, высказанный Грипиной Н.В. и Костроминой СН., что эти две тенденции (вектора) являются не противоположностями – дихотомиями, а взаимодополняющими, способствующими в своём взаимодействии поддерживать устойчивость личности через динамическое равновесие.

Таблица 3. Оценки регрессионной модели

	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	Т	Значимость
	В	Стандартная ошибка	Бета		
(Константа)	44,7	9,36		4,77	0,00
Позитивное отношение к изменениям (ДУЛ)	0,32	0,08	0,33	3,7	0,00
Смелость (ЛГИ)	–0,38	0,18	–0,2	–2,06	0,04
Интрорспекция (ДТР)	–0,36	0,11	–0,27	–3,13	0,02
Положительное отношение к постоянству (ДУЛ)	0,22	0,08	0,25	2,54	0,01
Фактор 7. Спонтанный, неструктурированный подход к будущему	–1,66	0,69	–0,2	–2,39	0,02

Примечание. Зависимая переменная: Устойчивость (Шкала «Устойчивость как внутреннее чувство равновесия» (ДУЛ))

«Интрорспекция» ($\beta = -0,27$; $p \leq 0,05$), как и «Смелость» как способность действовать в рискованных ситуациях» ($\beta = -0,2$; $p \leq 0,05$), обнаружили отрицательный вклад в устойчивость личности. Повышенное внимание к внутренним состояниям и их анализ, вероятно, снижают чувство устойчивости. Возможно, речь идёт о гиперрефлексии – чрезмерном интраспекционном анализе (Костромина, Макарова, 2021). Склонность к риску, по-видимому, способствует росту энтропии, нарушая динамическое равновесие и снижая устойчивость личности.

Из всех переменных, вошедших в регрессионную модель, единственным показателем, имеющим прямое отношение к компонентам образа будущего, стал Фактор 7. – «Спонтанный, неструктурированный подход к будущему». Являясь негативным предиктором ($\beta = -0,2$; $p \leq 0,05$), он отражает роль неупорядоченного образа будущего в

отрицательном влиянии на устойчивость личности. Таким образом, хаотичные представления человека о его будущем с высокой вероятностью снижают устойчивость личности.

Сравнительный анализ образа будущего респондентов с разным уровнем устойчивости

Для проведения сравнительного анализа образа будущего респондентов и конкретизации его роли в поддержании устойчивости личности выборка была разделена на группы. Дифференциация проводилась на основании показателей шкалы «Устойчивость как внутреннее чувство равновесия» опросника «Динамическая устойчивость личности».

С опорой на показатели нормального распределения ($M = 60,12$; $SD = 7,37$) средним уровнем устойчивости считались значения в интервале от 53 до 67 баллов. С применением коэффициента $k = 1$ были определены границы низких и высоких значений, что позволило сформировать три соответствующие группы испытуемых.

1. Респонденты с низкой устойчивостью ($n = 16$): $M = 46,37$; $SD = 6,48$.

2. Респонденты со средней устойчивостью ($n = 64$): $M = 60,23$; $SD = 2,7$.

3. Респонденты с высокой устойчивостью ($n = 22$): $M = 69,86$; $SD = 1,52$.

Для сравнения образа будущего в группе респондентов с разным уровнем устойчивости личности был проведен однофакторный дисперсионный анализ, позволяющий проверить статистическую значимость различий в выраженности компонентов (факторов) образа будущего (см. табл. 4).

Таблица 4. Выраженность факторов жизненной модели в кластерах и сравнение

Фактор образа будущего	Группа с низкой устойчивостью (Гр1)	Группа со средней устойчивостью (Гр2)	Группа с высокой устойчивостью (Гр3)	Сравнение групп с указанием статистически значимых результатов
Фактор 1	-0,76*	0,13*	0,18*	Гр2 > Гр1 ($p < 0,01$); Гр3 > Гр1 ($p < 0,02$);
Фактор 2	-0,05	-0,06	0,24	Группы не различаются
Фактор 3	-0,46*	0,08*	0,08	Гр2 > Гр1 ($p < 0,03$)

Фактор 4	–0,24	0,016	0,13	Группы не различаются
Фактор 5	–0,55	0,08	0,17	Группы не различаются
Фактор 6	–0,15	–0,08	0,38	Группы не различаются
Фактор 7	0,11	0,098*	–0,43*	Гр2 > Гр3 ($p < 0,04$)

Как видно из таблицы, между группами респондентов выявлены значимые различия, подчеркивающие специфику образа будущего у респондентов с низкой, средней и высокой устойчивостью личности.

1. Группа с низкой устойчивостью характеризуется наименее структурированным образом будущего. У респондентов значимо ниже выражены ключевые параметры, связанные с семейно-ориентированным образом будущего (Фактор 1) и активной учебно-профессиональной ориентацией с осмысленным планированием (Фактор 3), по сравнению с группами средней и высокой устойчивости. Это указывает на трудности в формировании семейных и профессиональных перспектив и может служить свидетельством, что отсутствие четких представлений в будущем о семье и работе может выступать основанием для низкой устойчивости.

2. Группа со средней устойчивостью. Респонденты демонстрируют: выраженность структурированного семейно-ориентированного образа (Фактор 1) и активной учебно-профессиональной ориентации (Фактор 3), что соответствует специфике возраста и актуальной жизненной ситуации.

3. Группа с высокой устойчивостью. Респонденты значимо отличаются от группы с низкой устойчивостью более высокими показателями по структурированному семейно-ориентированному образу будущего. При этом у них значимо ниже, чем в группе со средней устойчивостью, выражен спонтанный, неструктурированный подход к планированию (Фактор 7). Это позволяет предположить, что высокой устойчивости соответствует более определённый и внутренне согласованный образ будущего, как и наличие ясных перспектив в семейных отношениях.

С учетом того, что группа респондентов со средней устойчивостью была наиболее многочисленной (63,7% выборки), она была дополнительно разделена путём кластерного анализа. Это позволило описать ее более детально, полагая, что данная группа может быть не однородной.

На основе 7-факторной модели была проведена кластеризация данных респондентов, которая показала, что полученные нами факторы дифференцируют группу со средним уровнем устойчивости личности на 3 кластера (см. рис. 1).

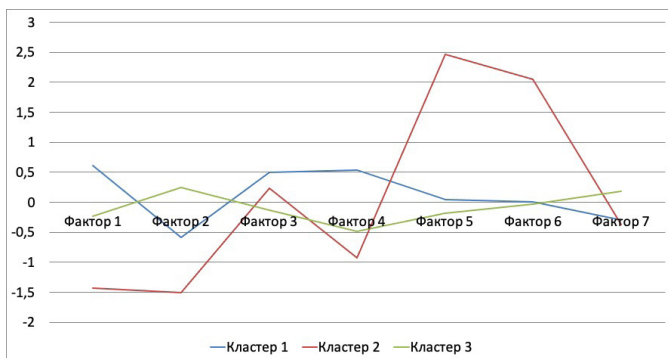

Рис. 1. Выраженность факторов образа будущего в кластерах внутри группы респондентов со средней устойчивостью

Ввиду крайней малочисленности было принято решение исключить из дальнейшего анализа Кластер 2 ($n = 2$).

Кластер 1 ($n = 24$) включил 15 девушек и 9 юношей. Для респондентов, вошедших в данный кластер, характерна наибольшая выраженность ключевых структурных факторов позитивной направленности: семейно-ориентированного образа будущего (Фактор 1), активной учебно-профессиональной ориентации (Фактор 3) и личностно-ориентированной рефлексии (Фактор 4). Это позволяет охарактеризовать их образ будущего как охватывающий разные сферы жизни. Фактор спонтанного, неструктурированного подхода к будущему (Фактор 7) для них не характерен.

Кластер 3 ($n = 38$) – 17 девушек и 21 юноша. Для данной группы характерно небольшое позитивное смещение в сторону факторов социально-ориентированного досуга и личностного развития (Фактор 2). При этом фиксируется отрицательное значение по Фактору 4, что может указывать на более низкую вовлечённость в рефлексию о далёкой жизненной перспективе по сравнению с Кластером 1.

Следовательно, полученный результат подтверждает неоднородность по содержанию образа будущего в группе респондентов со средним уровнем устойчивости личности. Это свидетельствует о зна-

чительной вариативности в построении образа будущего даже при сопоставимом общем уровне устойчивости.

С учётом этого факта для последующего сравнительного анализа респонденты были объединены в четыре итоговые группы:

- Группа 1: Респонденты с низкой устойчивостью личности (исходная группа 1, $n = 16$);
- Группа 2: Респонденты со средней личностной устойчивостью с разносторонним образом будущего, отнесённые к Кластеру 1 ($n = 24$);
- Группа 3: Респонденты со средней устойчивостью, ориентированные в ближайшей перспективе на личностное развитие (отнесённые к Кластеру 3, $n = 38$);
- Группа 4: Респонденты с высокой устойчивостью личности (исходная группа 3, $n = 22$).

Таким образом, в результате дифференцирования респондентов по уровню устойчивости личности четко прослеживаются 4 группы, различающиеся по феноменологическим параметрам в представлениях об образе будущего. Основными различительными параметрами выступают: Фактор 1 – «Семейно-ориентированное структурированное будущее», Фактор 3 – «Учебно-профессиональная ориентация и осознанное планирование» и Фактор 7 – «Спонтанность и неструктурированность образа будущего», а также Фактор 2 – «Социально ориентированный досуг и личностное развитие», достоверно различающий респондентов группы со средним уровнем устойчивости личности.

Феноменология образа будущего респондентов с разным уровнем устойчивости личности

Для более детального анализа содержательных характеристик образа будущего респондентов был проведен контент-анализ данных, полученных с помощью модифицированной методики «Незаконченные предложения». В результате были выделены 80 смысловых категорий, впоследствии подвергнутых сравнению по частоте встречаемости между группами. Для статистической оценки значимости различий использовался точный критерий Фишера.

В целом, было установлено более 70 статистически значимых различий либо тенденций к различиям по отдельным категориям между группами. При этом при переходе к более укрупненному анализу – на уровне обобщенных смысловых блоков, соответствующих характеристикам образа будущего (конкретность, глубина, отношение), – уста-

новить преимущественную выраженность различий по какому-либо из указанных компонентов не представилось возможным.

Ниже можно видеть статистически значимые различия (см. табл. 5), по которым доля респондентов, выбравших соответствующую категорию в одной из групп, составляла не менее 25%.

Таблица 5. Статистически значимые различия между группами (точный критерий Фишера) по методике «Незаконченные предложения»

Сравнение групп (А x B)	Категория ответа	Группа А (%)	Группа В (%)	p-value
Вопрос 1: «В будущем я не могу представить свою жизнь без...»				
Гр1 x Гр3	Семья (близкие люди)	25%	65,8%	0,005
Гр1 x Гр4	Семья (близкие люди)	25%	68,2%	0,002
Вопрос 2: «В будущем я уверен(а), что меня ждёт...»				
Гр1 x Гр2	Стабильность	25%	4,2%	0,04
Гр1 x Гр4	Успех / Достижения	12,5%	59,1%	0,001
Гр3 x Гр4	Успех / Достижения	37,8%	66,7%	0,03
Гр2 x Гр4	Успех / Достижения	33,3%	63,6%	0,03
Вопрос 3: «Своим главным достижением в жизни я хотел(а) бы видеть...»				
Гр1 x Гр3	Семья / Дети	6,3%	34,2%	0,02
Гр1 x Гр4	Семья / Дети	6,3%	54,5%	0,001
Гр1 x Гр4	Личностный рост	37,5%	4,5%	0,004
Вопрос 4: «Больше всего я хотел(а) бы в жизни...»				
Гр1 x Гр3	Семья	6,3%	34,2%	0,02
Гр1 x Гр3	Самореализация, личностный рост	43,8%	13,2%	0,02
Гр3 x Гр4	Семья	45,9%	19%	0,03
Вопрос 6: «Если я думаю о своей семье в будущем...»				
Гр1 x Гр2	Негативные эмоции	31,3%	4,2%	0,01
Гр1 x Гр3	Негативные эмоции	31,3%	7,9%	0,02
Гр1 x Гр3	Семья как ценность	0%	23,7%	0,04
Гр1 x Гр3	Отсутствие семьи	12,5%	0%	0,02
Гр1 x Гр4	Негативные эмоции	31,3%	0%	0,006
Гр1 x Гр4	Семья как ценность	0%	40,9%	0,003
Вопрос 8: «В будущем мои друзья...»				
Гр1 x Гр2	Дальность друзей / Отсутствие	25%	4,2%	0,04
Гр1 x Гр3	Дальность друзей / Отсутствие	31,3%	0%	0,001
Гр1 x Гр3	Неизменность	6,3%	28,9%	0,04

Вопрос 9: «В будущем моя работа/учёба...»				
Гр1 x Гр3	Интерес / Развитие	0%	26,3%	0,01
Вопрос 11: «Я считаю, что мечтать и думать о будущем...»				
Гр1 x Гр3	Часть процесса целеполагания	0%	26,3%	0,002
Гр1 x Гр3	Негативная оценка	18,8%	0%	0,006
Вопрос 13: «Думая о своём будущем, я опасаясь...»				
Гр3 x Гр4	Нереализованность	13,5%	42,9%	0,01
Вопрос 14: «Будущее кажется мне...»				
Гр1 x Гр2	Чувство неопределённости, тревога	75%	41,7%	0,03
Гр1 x Гр3	Чувство неопределённости, тревога	81,3%	39,5%	0,01
Гр1 x Гр4	Позитивный интерес, ожидание	12,5%	59,1%	0,01
Гр1 x Гр4	Чувство неопределённости, тревога	68,8%	18,2%	0,01
Гр2 x Гр4	Позитивный интерес, ожидание	29,2%	59,1%	0,03
Гр2 x Гр4	Чувство неопределённости, тревога	54,2%	13,6%	0,04
Вопрос 15: «В моей жизни долгое время будет продолжаться...»				
Гр1 x Гр3	Позитивное ожидание	0%	26,3%	0,03
Гр2 x Гр4	Негативные эмоции, неопределённость	54,2%	18,2%	0,01

Исходя из выявленных различий, можно охарактеризовать группы следующим образом:

Группа 1. У респондентов с низкой устойчивостью эмоциональное отношение к будущему маркировано тревогой: подавляющее большинство (81,3%) дают ответы категории «*чувство неопределённости, тревога*». При размышлениях о семье у 31,3% опрошенных фиксируются ответы категории «*негативные эмоции*». При этом в содержании образа будущего доминируют стремления к саморазвитию: отвечая на вопрос «*Своим главным достижением в жизни я хотел(а) бы видеть...*», 37,5% респондентов выбирают «*личностный рост*», «*самореализацию*». Однако данные стремления не подкреплены конкретными жизненными сферами: например, на вопрос «*В будущем я не могу представить свою жизнь без...*» 31,3% затрудняются с ответом – «*не знаю*», «*трудно сказать*». Совокупность характеристик говорит о тенденции людей с низкой устойчивостью к абстрактно-позитивным целям с тревожно-неопределённым эмоциональным фоном, что свидетельствует о несогласованности образа будущего.

Группа 2. Образ будущего в этой группе амбивалентен и сочетает стремление к стабильности с высоким уровнем тревоги. На вопрос «*Будущее кажется мне...*» 54,2% респондентов испытывают «*чувство неопределённости, тревогу*». Более половины выборки (54,2%) ожидают в

будущем негативных последствий: *«проблемы»*, *«одиночество»*, *«неизвестность»*. При этом респонденты демонстрируют ориентацию на стабильность: на вопрос *«В будущем я уверен, что меня ждёт...»* появляются ответы, связанные со стабильностью, а при мыслях о семье негативные эмоции встречаются лишь у 4,2%, то есть, образ будущего характеризуется сочетанием стремления к стабильности с высоким уровнем тревоги и ожиданием продолжения настоящих трудностей, что позволяет квалифицировать его как противоречивый.

Группа 3. Для группы характерен целостный образ будущего с акцентом на семейные и межличностные ценности. На вопрос *«В будущем я не могу представить свою жизнь без...»* 65,8% выбрали *«семья, близкие»*. Главным достижением 34,2% видят *«семью/детей»*, и столько же (34,2%) хотят в жизни *«семью»*. Глубина образа проявляется в проработанности социальных связей: в группе отсутствуют ответы о *«дальности/отсутствии»* друзей, но часто встречается *«неизменность»* дружеских связей (28,9%). Профессиональная сфера воспринимается через *«интерес и развитие»* (26,3%). Уровень тревоги при восприятии будущего составляет 39,5%, что позволяет говорить об умеренной тревоге при сохранении глубины и целостности образа.

Группа 4. Респонденты с высокой устойчивостью демонстрируют наиболее ресурсный образ будущего, сочетающий семейные и профессиональные ориентации. Так, респонденты не представляют жизнь без *«семьи, близких»* (68,2%). На вопрос *«В будущем я уверен, что меня ждёт...»* 59,1% ожидают *«успех, достижения»*. Главным достижением для 54,5% выступает *«семья»*, а *«личностный рост, самореализация»* встречается реже (4,5%). При мыслях о семье 40,9% ответов относятся к категории *«ценности семьи»* (*«любовь»*, *«поддержка»*), негативные эмоции отсутствуют полностью. Образ будущего в данной группе можно охарактеризовать как оптимистичный, ценностно-наполненный, с интегрированностью семейных и профессиональных аспектов.

Стоит отметить, что в 4-й группе с высокой устойчивостью Фактор 7 «Спонтанность и неструктурированность образа будущего», являющийся отрицательным предиктором устойчивости, выражен явно слабее, чем в других группах. Качественный анализ позволил нам подтвердить противоположные Фактору 7 содержательные характеристики у респондентов с высокой устойчивостью.

Выводы

Проведенный анализ позволяет заключить, что образ будущего неразрывно связан с уровнем личностной устойчивости, при этом

характеристики временной перспективы закономерно изменяются по мере перехода от дезадаптивных состояний к ресурсным, согласованным — мы видим изменения от менее согласованного образа будущего к более целостному.

Респонденты с низкой устойчивостью демонстрируют диссоциированный образ будущего: абстрактное стремление к саморазвитию не подкреплено конкретными жизненными планами и сочетается с доминированием тревоги и неопределенности, что свидетельствует о фрагментарности временной перспективы. Средний уровень представлен двумя качественно различными типами. Первый из них отличается противоречивостью: ориентация на стабильность соседствует с высоким уровнем тревоги и ожиданием негативного продолжения настоящих трудностей. Второй тип демонстрирует целостный, социально ориентированный образ будущего, где опорой для построения перспективы составляют семейные и дружеские связи. Наиболее целостные представления о будущем зафиксированы у респондентов с высокой устойчивостью, для которых характерен сбалансированный, оптимистичный образ будущего, объединяющий семейные и профессиональные ценности с ожиданием успеха и достижений.

Таким образом, важным фактором при планировании будущего выступает не просто наличие целей, но и их содержательная согласованность с эмоциональным отношением к будущему, а также конкретность и включенность различных жизненных сфер.

Заключение

Целью данного исследования являлось выяснение того, могут ли образ будущего и его характеристики выступать в качестве регулирующего и системообразующего фактора устойчивости личности в период ранней взрослости.

Проведенный анализ показал, что образ будущего, действительно, тесно связан с устойчивостью личности и является одним из её предикторов, особенно в части его структурированности. Кроме того, на основе разработанной теоретической схемы образа будущего удалось провести сравнительный анализ в группах с разным уровнем устойчивости.

Результаты продемонстрировали общую тенденцию: у лиц с более высоким уровнем устойчивости личности образ будущего отличается большей согласованностью компонентов и общей конструктивностью.

При этом наблюдается вариативность сценариев на среднем уровне устойчивости, тогда как у людей с низкой устойчивостью представ-

ления о будущем являются наименее детализированными и согласованными.

Дальнейшее развитие исследований видится не только в увеличении выборки и ее более равномерном распределении по группам, но и в углубленном феноменологическом анализе с применением как авторских методик, так и стандартизированных, надежных инструментов для изучения образа будущего. Кроме того, перспективным представляется привлечение к исследованию лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации или в состоянии стресса, с целью анализа потенциала образа будущего как источника личностных ресурсов и стабилизирующего фактора.

Литература

- Бажанова, Н.А. Личностная готовность к переменам в контексте исследования феномена «ожидания» / перевод и апробация опросника «Personal change-readiness survey» // Acta eruditorum: научные доклады и сообщения. СПб.: РХГА, 2005. Т. 2. С. 169–178.
- Баранова, А.В., Яковлева, Н.В. Анализ понятия «образ будущего» в контексте психологии здоровья // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журнал. 2018. Т. 6. № 4. URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=357> (дата обращения 26.01.2026).
- Горбатов, С.В. Концепция собственного будущего как фактор регуляции поведения несовершеннолетних. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2000.
- Гришина, Н.В., Костромина, С.Н., Одинцова, М.М. Опросник «Динамическая устойчивость личности» // Новые психологические исследования. 2024. № 3. С. 75–94. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_03_04
- Конжин, С.И., Костромина, С.Н. Образ будущего как маркер целостности личности // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1. С. 140–149. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-140>
- Костромина, С.Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В. Устойчивость личности: концепт и феноменология // Вопросы психологии. 2023. Т. 69. № 4. С. 16–29.
- Костромина, С.Н., Макарова, М.В. Гиперрефлексия как способ взаимодействия с миром: роль, процесс, проявления // Петербургский психологический журнал. 2021. № 36. С. 106–133.

- Крупник, Е.П., Лебедева, Е.Н. Психологическая устойчивость личностных конструктов в период взрослости // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 12–23.
- Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
- Петрова, В.Н. Изучение образа будущего: методологические проблемы и пути их решения // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 6–10.
- Петрова, В.Н. Образ будущего как предиктор профессионального развития. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. ТГУ, Томск, 2019.
- Стёпин, В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.
- Толстых, Н.Н. Использование метода мотивационной индукции для изучения мотивации и временной перспективы будущего // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 77–94.
- Хайдеггер, М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
- Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2018.
- Чудновский, В.Э. Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование. М.: Педагогика, 1981.
- Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2004.
- Nuttin, J. Motivation et Perspective d'Avenir. Louvain: Presses Universitaire de Louvain, 1980.
- Sacks, J.M., Levy, S. The sentence completion test / In L. Bellak (Ed.), Projective psychology. New York, NY: Knopf, 1950. P. 357–397.

Сведения об авторах

Сергей И. Конюшин, аспирант, кафедра психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; russiangelstalt@gmail.com

Светлана Н. Костромина, доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s.kostromina@spbu.ru

Konzhin S.I., Kostromina S.N.

The Image of the Future in the Structure
of Personality Stability During Early Adulthood

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

In today's unstable environment, the ability to cope with chronic uncertainty associated with a lack of information, difficulties in planning, and the need to regulate life under stress is becoming increasingly important. In this context, characteristics that enable a person to maintain resilience are crucial. Among these, the image of the future should be considered a "key" personality variable, ensuring the preservation of self-identity in various life situations. This study, based on theoretical analysis and empirical testing, substantiates the decisive influence of the image of the future on personal resilience in early adulthood. The purpose of the study is to determine the extent to which characteristics of the image of the future determine the level of personal resilience.

The author proposes a conceptual framework for the image of the future and its substantiation as a factor in personal resilience. The results revealed groups of respondents with different levels of resilience; differences in the parameters of the image of the future were discovered, reflecting the specific planning and perception of the future in these groups. Personal resilience is supported not simply by the presence of goals, but by their consistency with an emotional attitude toward the future.

The practical significance of this study lies in the potential use of this model for diagnosis and counseling.

Key words: image of the future, time perspective, personal resilience, early adulthood

For citation: Konzhin, S.I., Kostromina, S.N. (2026). The image of the future in the structure of personality stability during early adulthood. *New Psychological Research*, No. 3, 156–180. DOI: 10.51217/npsyresearch_2026_06_03_08

References

- Baranova, A.V., Yakovleva, N.V. (2018). Analysis of the concept of "image of the future" in the context of health psychology. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye: setevoi zhurnal*, 6(4). Retrieved from <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=357>
- Bazhanova, N.A. (2005). Personal readiness for change in the context of the study of the phenomenon of "expectation" (translation and approbation of the "Personal change-readiness survey" questionnaire). *Acta eruditorum: nauchnye doklady i soobshcheniya*, 2, 169–178.
- Chudnovsky, V.E. (1981). *Moral stability of the individual: A psychological study*. Moscow: Pedagogika.

- Gorbatov, S.V. (2000). *The concept of one's own future as a factor in the regulation of juvenile behavior* (Abstract of PhD dissertation). St. Petersburg State University, St. Petersburg.
- Grishina, N.V., Kostromina, S.N., Odintsova, M.M. (2024). Questionnaire “Dynamic stability of personality”. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 3, 75–94. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_03_04
- Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Kharkiv: Folio.
- Hjelle, L., Ziegler, D. (2018). *Theories of personality* (3rd ed.). St. Petersburg: Piter.
- Konzhin, S.I., Kostromina, S.N. (2025). The image of the future as a marker of personality integrity. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 1, 140–149. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-140>
- Kostromina, S.N., Makarova, M.V. (2021). Hyperreflexia as a way of interacting with the world: role, process, manifestations. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 36, 106–133.
- Kostromina, S.N. (2021). Classic “paradox of personality”: Is there a theoretical and methodological basis for a solution? *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 2, 7–30. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V. (2023). Personality sustainability: Concept and phenomenology. *Voprosy psikhologii*, 69(4), 16–29.
- Krupnik, E.P., Lebedeva, E.N. (2000). Psychological stability of personal constructs in adulthood. *Psikhologicheskii zhurnal*, 21(6), 12–23.
- Leontiev, A.N. (1977). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat.
- Leontiev, D.A., Osin, E.N. (2014). “Good” and “bad” reflection: From an explanatory model to differential diagnostics. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 11(4), 110–135.
- Nuttin, J. (1980). *Motivation et Perspective d'Avenir*. Louvain: Presses Universitaire de Louvain.
- Petrova, V.N. (2009). Study of the image of the future: Methodological problems and ways to solve them. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 32, 6–10.
- Petrova, V.N. (2019). *The image of the future as a predictor of professional development* (Abstract of doctoral dissertation). Tomsk.
- Sacks, J.M., Levy, S. (1950). The sentence completion test. In L. Bellak (Ed.), *Projective psychology* (pp. 357–397). New York, NY: Knopf.
- Stepin, V.S. (2013). Types of scientific rationality and the synergetic paradigm. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*, 4, 45–59.
- Tolstykh, N.N. (2005). Using the method of motivational induction to study motivation and future time perspective. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 3, 77–94.
- Yalom, I. (2004). *Existential psychotherapy*. Moscow: Klass.

Information about the authors

Sergei I. Konzhin, PhD student, Department of Personality Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia, 199034; *russiangehalt@gmail.com*

Svetlana N. Kostromina, D.Sc. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *s.kostromina@spbu.ru*